

Последователь Мальтуса

Математик Сергей Нефёдов совершил переворот в исторической науке

Станислав СОЛОМАТОВ

Кандидат физико-математических наук, ученик знаменитой школы академика Красовского. В активе у него доказательство теоремы, названной его именем... Но в 48 лет Сергей Нефёдов круто изменил свою судьбу и ушёл в историческую науку, где начал всё заново. Сперва защитил кандидатскую диссертацию, потом докторскую, принял участие в создании нового направления в изучении исторических процессов.

Правда, сам Сергей Александрович убежден, что он ничего не менял. По его словам, будучи математиком, он серьезно интересовался историей. А теперь в качестве профессионального историка занимается той частью истории, где требуется применение количественного анализа, то есть математики. Себя же он считает последователем Мальтуса, который первым взял на вооружение математическое моделирование исторических процессов.

– Генсек ООН Пан Ги Мун не так давно призвал использовать в пищу не только привычные продукты питания, но также, например, насекомых, что раньше в рацион многих людей не входило. То есть признал Мальтуса: для поддержания стабильности в мире нужен баланс между едой и едой. Означает ли это, что мальтузианство, развитие которого вы занимаетесь, не только живёт, но и побеждает во всем мире?

– Мальтузианство уже победило, давно победило. В 1970-е годы справедливость его теории была признана на самом высоком уровне – на уровне ООН и правительства большинства государств. После Второй мировой войны густонаселённые страны «третьего мира» были охвачены революциями, восстаниями, войнами – и политики, социологи, демографы искали причины этих событий. Видные социологи Уильям Фогт, Гастон Бутуль, Жозеф Стассар доказывали, что революции – следствие голода и нищеты, а нищета – следствие охватившего «третий мир» демографического взрыва, следствие перенаселения. Прогнозы демографов были апокалиптическими. Пол Эрлих написал знаменитую книгу, которая называлась «Бомба населения». В 1972 году «Римский клуб» – собрание крупнейших учёных Европы – опубликовал доклад «Пределы роста», в котором утверждалась неизбежность демографической катастрофы.

– Когда и в связи с чем у вас возникли сомнения по поводу истинности привычных исторических трактовок и пришла мысль о собственной теории?

– Изучение истории Китая привело меня к мысли, что причин катастрофических кризисов, время от времени сотрясавших Поднебесную, были перенаселение и вызываемый им недостаток продовольствия. Голод вызывал крестьянские восстания и гражданские войны, которые сопровождался эпидемиями и вторжением внешних врагов; в итоге население могло уменьшиться в несколько раз. Но затем наступало благоприятное время, и крестьян теперь было много земли и хлеба, и население начинало быстро расти. Примерно через сто лет снова наступали перенаселение и голод, снова начинались восстания. И история повторялась в ритме демографических циклов.

– Нельзя ли чуть подробнее о теории Мальтуса? Многие, особенно пожилые, люди в силу известных причин и имени-то этого не слышали. В чём суть мальтузианства, если совсем просто?

– Речь идёт о том, что когда людей мало, а земли много, то крестьяне могут пахать, сколько хотят, у них много пищи, много зерна, много мяса, они живут хорошо. Когда население увеличивается, то эта идиллия заканчивается. Это называется «аграрное перенаселение». Простой, широко используемый термин.

Аграрное перенаселение приводит к регулярно повторяющемуся голоду, который, в свою очередь, провоцирует массовое социальное недовольство, попытки реформ. В конечном счёте начинается револю-

ция, свертывается правительство, а после этого – гражданская война, голод, тиф, эпидемия...

Это, так сказать, традиционная интерпретация мальтузианских демографических циклов. Американский историк и социолог Джек Голдстоун несколько усложнил теорию. Он рассматривал влияние перенаселения не только на народные массы, но и на элиту, и на государство. Мои работы, в общем, продолжают исследования Голдстоуна. Вместе с другим американским исследователем Питером Турчиным мы описали несколько демографических циклов в европейских странах. Эта книга – «Вековые циклы» – в 2009 году была опубликована в издательстве Принстонского университета.

– Можно ли подвести под эту теорию нашу Октябрьскую революцию?

– Вполне. Крестьяне центральных районов страдали из-за перенаселения и малоземелья, и они восстали, чтобы поделить земли помещиков. Генерал Деникин потом писал, что единственный вопрос, который брал крестьян за живое, – это вымученный, выстраданный вопрос о земле. И Ленин дважды подчеркнул эту фразу в книге Деникина. Случилось то, что объективно должно было случиться. И власть диктатуры, установившаяся после революции, – тоже закон истории. В условиях всеобщего кризиса только жестокими методами можно навести порядок. Ждать сразу после революции либерального режима бессмысленно.

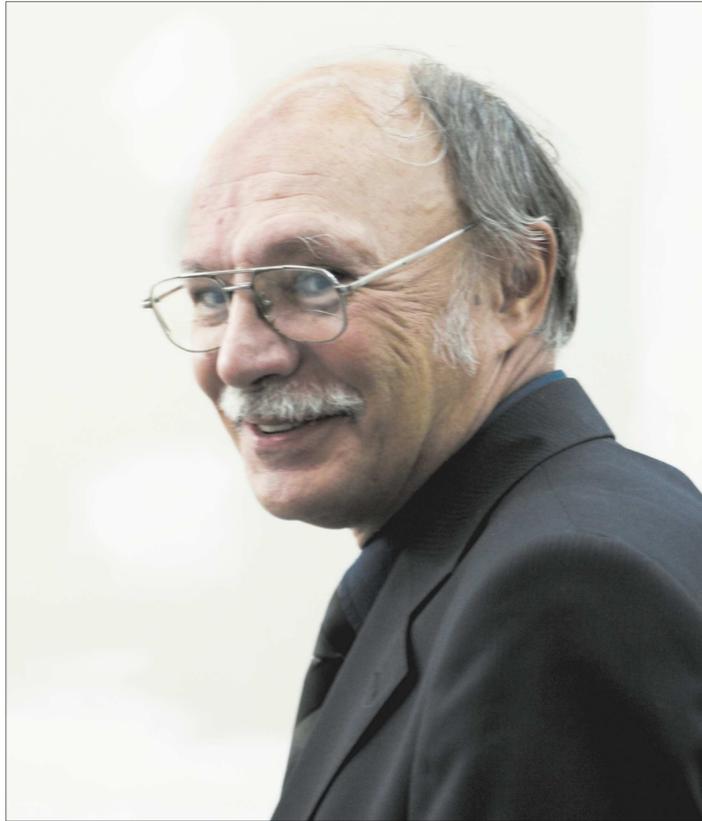
Выявление подобных объективных законов делает невозможным обвинение каких-то политических партий в тех или иных событиях. Зима всё равно приходит. Понимаете, это закон природы. Так и революции приходят согласно закону демографических циклов. Это фатализм в большой степени, но и в нём есть своя польза: к зиме ведь можно быть готовым.

Для математиков очевидно, что теория Мальтуса – это распространение на человеческое общество экологических закономерностей, которые, в свою очередь, описываются математическими уравнениями. Мне удалось несколько модифицировать эти уравнения, приспособив их к специфике земледельческой популяции, и получить довольно точную математическую модель демографического цикла в Китае эпохи Хань. Мой учитель академик Николай Николаевич Красовский воспринял эту теорию как нечто вполне естественное, и в отзыве на мою кандидатскую диссертацию по истории отметил, что «работа заслуживает одобрения как образец работы методами экспериментальной математики». Для математиков весь мир является сферой приложения их науки, и они не видят ничего особенного в том, что история тоже описывается дифференциальными уравнениями.

– А как вы переквалифицировались из математика в историка?

– Когда я был аспирантом и ассистентом, у меня было много свободного времени. Математик УрГУ располагался этажом выше истфака, и всё свободное время я проводил на истфаке. Слушал лекции тамошних преподавателей, узнавал, что нужно читать, и занимался в читальном зале. История была моим увлечением, и я никак не мог заставить себя заняться математикой. Но, в конце концов, пришлось доказывать теорему и защищать диссертацию.

– Да, именно так и было. История была моим увлечением со школьной скамьи, но ме-

«Сергей Нефёдов не просто учёный-историк. Он природный романист, которого критика ставит в один ряд с такими мастерами пера, как Дюма, Дрюон, Пикюль», – сказал о нашем земляке писатель Сергей Сокуров

Одна моя теорема получила известность, академик Осипов (бывший президент РАН) хлопал меня по плечу и говорил: «Хороший результат, Серёжа». А я в это время как раз шёл на истфак. В конце концов, когда мои исторические труды вышли в свет, Красовский прочитал их и сказал главе уральских историков Вениамину Васильевичу Алексееву: «Ну забирай ты его». Большие учёные – они как отцы семейства, потечески заботятся о своих «детях», даже когда те становятся непослушными.

– Где не любят чужаков, и особенно в историческом сообществе настороженно относятся к попыткам заглянуть такую тонкую материю, как история, в жёсткие математические модели. Как вам удалось преодолеть предубеждение против ваших методов и отчуждение со стороны профессионального сообщества?

– Да, в Институте истории и археологии мне поначалу пришлось тяжело. Один «настоящий» историк кричал на обсуждении моей докторской диссертации: «Он не историк, он – математик!». Однако многие заинтересовались моими методами и стали меня поддерживать. Это было время перемен, и ведущие историки искали новые идеи и методы. Академик Алексеев всё это понимал и всегда меня поддерживал.

– Как я понял из разговоров с вами, у вас достаточно рано возникло критическое отношение к советской исторической науке. Как учёный вы сохранили себя потому, что времена «единственно правильного учения» отсидели в математике и пришли в историческую науку, когда идеологические шоры начали ослабевать?

– Да, именно так и было. История была моим увлечением со школьной скамьи, но ме-

ди в юности я увлекался историей, и в институте я тоже читал исторические романы. Когда мои исторические труды вышли в свет, Красовский прочитал их и сказал главе уральских историков Вениамину Васильевичу Алексееву: «Ну забирай ты его». Большие учёные – они как отцы семейства, потечески заботятся о своих «детях», даже когда те становятся непослушными.

– Мало того, что вы стали опасным мальтузианцем, так ещё и «подхватили» теорию диффузии, которая развивалась исключительно на Западе и отрицалась отечественной наукой. В чём её суть, и каков ваш вклад в это направление?

– В соответствии с этой теорией развитие человечества определяется фундаментальными техническими открытиями. Эти открытия дают народам преимущество перед другими народами и порождают волну военной, экономической, культурной экспансии.

В какой-то стране совершается фундаментальное открытие, чаще всего это открытие, применимое в военной сфере. Оно делает народ могущественным, и он начинает военную экспансию, растекается волна завоеваний, и страна сметает государства и распространяется очень далеко. В новых государствах, которые основаны завоевателями, правящим классом являются они сами, а покорённые туземцы становятся крестьянами, часто – просто рабами, иногда податными крестьянами. Остальные государства, которые не завоеваны, вынуждены заимствовать оружие захватчиков как можно быстрее, чтобы остановить их.

– И много ли в российской науке приверженцев изучения истории с помощью математических моделей?

– В МГУ создана кафедра исторической информатики. Нашему знаменитому историку академику Ивану Коваленко было немало лет, когда он в одной аудитории со студентами начал изучать математическую статистику. Именно по его инициативе в Институте истории Академии наук СССР была открыта лаборатория по применению математических методов и вычислительной техники.

– Чем объяснить тот факт, что вами написано много учебников по истории и сре-

ди них ставшая бестселлером «История Средних веков»?

– Мой друг, Володя Козлов, зав. РОНО (районный отдел народного образования. – Авт.) и большой новатор по части педагогики, пригласил меня преподавать историю в один из новых колледжей. Старые учебники уже не годились, новых не было, и мне пришла в голову идея написать «мальтузианский» учебник. Конечно, нужно было написать учебник так, чтобы его читали, – то есть по возможности увлекательно, в художественной форме. Опыт получился удачным, первый тираж вскорости разошёлся, а потом одно московское издательство предложило мне написать продолжение.

В 1994 году учебник был издан на деньги РОНО под названием «История Древнего мира» – и 10-тысячный тираж разошёлся очень быстро. Закупившее часть тиража московское издательство «Владос» попросило меня написать продолжение «учебного курса», и в 1996 году в Москве вышли в свет сразу три тома: переизданная «История Древнего мира», а также «История Средних веков» и «История Нового времени». Общий тираж издания был по теперешним меркам огромным: 150 тысяч экземпляров. Книжки были замечательно иллюстрированы графикой старых мастеров, хорошо передающих описываемую эпоху.

– Но коли у вас такой большой опыт в написании курсов школьной истории, поделитесь своим мнением относительно концепции единого школьного учебника по истории, обсуждение которой началось первого июля. В чём, вообще, проблема такой работы?

– Беда в том, что история преподаётся, начиная с четвертого класса. А реальная история полна грязи, крови, и если мы тут начнём говорить всю правду, то ещё неизвестно, кто из наших детей вырастет. Правда истории – на самом деле жестокая, циничная правда.

Вот к примеру, монголо-татарское нашествие – это же жуткий пример массового геноцида, когда было вырезано 90 процентов населения Руси. Это мы знаем по школьным учебникам. Я хорошо помню, как мы переживали всем классом, когда учитель рассказывал об этом. Но в наших учебниках не пишут, что русские отомстили татарам и выжили таким же образом Казанское ханство. Зато это хорошо знают татарские школьники – у них другие учебники.

– Как бы вы объяснили норманнскую теорию происхождения Киевской Руси, о которую столько копий сломано? Согласны ли вы с тем, что государственность славянам принесли варяги, которые называли ещё викингами в Англии – там признают, что их государство создали именно последние.

– На самом деле это не теория, а истина, что Русь была завоевана варягами, викингами. Это всё очень хорошо известно профессиональным историкам по арабским источникам, и mucho всё прочтёт, например, у Ключевского.

Мало того, что они завоевали Русь, они ещё и просто охотились на людей, в основном на молодых женщин, и продавали их в Булгарию. Военно-охоты устраивали. Разве это можно описать в школьном учебнике истории? По моему убеждению, нет. А история полна подобных примеров, которые унижают достоинство народа и просто растапщывают патристический дух.

– Есть такая точка зрения, что в любой области знания науки ровно столько, сколько в ней математики. Согласно с этим?

– Безусловно. Математика – только язык, но если наука претендует на то, чтобы в ней была хоть какая-то точность, она должна этим языком воспользоваться. В наше время, глядя на то, как перекармливают историю, многие перестают считать её настоящей наукой. Но я верю, что благодаря вмешательству математики история со временем приобретёт необходимую точность и достоверность.

ДОСЬЕ «ОГ»

Сергей Александрович НЕФЁДОВ
Родился в 1951 г. в Свердловске.
В 1973 г. закончил математико-механический факультет УрГУ.
С 1975 г. после окончания аспирантуры работал на кафедре вычислительной математики УрГУ. В рамках научной школы Н.Н.Красовского решал задачи в области теории управления динамических систем.
В 1981 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата физико-математических наук.
В 1999 г. защитил кандидатскую диссертацию по историческим наукам.
С 2000 г. работает в Институте истории и археологии УрО РАН, сначала на должности старшего, а затем – ведущего научного сотрудника.
В 2007 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Демографически-структурная теория и её применение в изучении социально-экономической истории России».
Опубликовал более 200 научных работ.
Является автором семи монографий, получивших широкую известность. Вышедшая в 2008 г. монография «Факторный анализ исторического процесса» была удостоена премии «Общественная мысль-2008». В 2009 г. в Оксфорде и Принстоне вышла в свет монография Турчина и Нефёдова «Вековые циклы» («Secular Cycles»). Двухтомная монография Нефёдова «История России. Факторный анализ» была удостоена двух премий: имени академика П.И.Рычкова и «Общественная мысль-2011».
Книги С.Нефёдова изданы общим тиражом более 160 тысяч экземпляров.
Воспитал двоих детей.

Кто бы мог подумать в конце 1950-х, что октябрёнок Серёжа Нефёдов когда-то станет автором двухтомной монографии по истории России

Блиц-опрос

- Помогает ли вам знание истории в обычной жизни?
- Иными словами: что даёт знание истории обычному человеку? На практике – ничего. Разве что (улыбается) в наших обычных спорах о политике друзья больше к тебе прислушиваются.
- Вы говорили как-то, что история – это для вас и работа, и хобби.
- Мне повезло, что мой начальник, академик Алексеев, не навязывал мне темы исследований. Я делал то, что хотел, и все мои исследования по тематике относились к хобби. А как обстоят дела у других историков? Мне часто жалуются: вот завалили работой, совсем невпровдох. Это происходит оттого, что люди стараются заработать больше денег и трудятся одновременно в разных местах. Труд превращается в каторгу, и им приходится искать какое-то хобби. Для отдохновения.
- Умеете ли вы что-то мастерить своими руками? Говорят, строите на даче фонтаны?
- Был момент, когда мне надоело строить, как жена выращивает на даче капусту. Собственно, это была не дача, а обычный участок в коллективном саду, где все выращивали капусту и картошку. Я убрал эти грядки, устроил газоны и клумбы, а ещё сделал три маленьких фонтанчика с отделкой из кварца. Ещё сосну посадил на лужайке. Она разрослась, стала разлапистой и пушистой. Сейчас там очень красиво, и я провожу там лето, занимаюсь историей.
- Вы любитель путешествовать? В каких местах вам больше всего нравится бывать?
- Мы с женой большие любители сноу-клинга. Это – когда плывёшь в маске и смотришь на кораллы и рыбок. Мы долго искали самые красивые коралловые рифы на Красном море и нашли несколько чудесных мест для отдыха. А другое наше любимое место – это Симиланские острова у побережья Таиланда. Там национальный парк, отелей нет, но несколько дней можно пожить в палатке. Сразу вспоминается знаменитая надпись: «Если вы не знаете, где находится рай, то он здесь, он здесь, он здесь».
- Любят ли историю ваша жена и дети?
- Они любят меня слушать, а потому посмотрели какие-нибудь исторические фильмы.

С женой возле египетских пирамид

Сергей Нефёдов (справа) получает премию «Общественная мысль – 2008»